

Мечта и сегодняшняя действительность

И. МАКСИМОВ-КОШКИНСКИЙ,
народный артист Чувашской АССР

1908—1911 годы. Я учился в полусредней Симбирской чувашской учительской школе, основателем и руководителем которой был известный просветитель нашего народа И. Я. Яковлев.

Вечерами мы собирались у поэта Константина Иванова. Комнатка его скорее напоминала тогда жилище художника: на стенах — карандашные наброски пейзажей, рисунки античных фигур, у окна — мольберт. Но одноотомники Лермонтова, Пушкина, Некрасова, книги Байрона, Гейне, лежали на столе, да несколько экземпляров первой антологии дореволюционной чувашской поэзии под названием «Сказки и предания чуваша», в которой без указания имени автора были напечатаны его бессмертная поэма «Нарспи» и две сказки, говорили, что здесь живет и художник и поэт.

Сидим, бывало, в полутемной комнате, смотрим на школьный сад и мечтаем. Иванов — о поступлении в Академию художеств и создании больших полотен из жизни чувашской деревни, Павлов — о консерватории и симфониях на мотивы народных песен. Я же бредил театром, Гамлетом.

Помню, когда я прочел монолог Карла Моора «О, люди, люди!», Федор задумчиво произнес:

— Будет ли когда-нибудь у нас свой театр? Я написал бы для него чувашскую оперу на сюжет «Нарспи», — и взглянул на автора поэмы.

Иванов тяжело вздохнул:

— Эх, Федя! Ты вот о театре мечтаешь, а власти собираются закрыть нашу единственную учительскую школу...

В самом деле, мог ли до Великого Октября существовать наш театр?

В 1905 году он возник в моем родном селе Кошках Симбирской губернии и в деревне Большие Шахчуры Казанской губернии. Авторами и актерами первого спектакля были воспитанники Симбирской чувашской школы Григорий Крылов и Степан Иванов. Я смотрел их спектакль. Хорошо помню, что в пьесе было два действующих лица: царь Николай II и рабочий. Царь восседал на табуретке, поставленной на широкие нары, а рабочий стоял на полу. Рабочий ругал императора за то, что он все лучшие земли раздал помещикам. После ожесточенной перепалки рабочий вскакивал на нары, хватал его за воротник и...
В это бурное время, заканчивая художественное училище, я не оставлял мечту стать актером и потому учебу совмещал с работой в театре. Мне, конечно, доставались лишь роли лакеев со словами: «Кухать подано». Только на одном дневном спектакле посчастливилось сыграть вместе с известным трагиком Н. П. Россовым второго могильщика в «Гамлете». А когда, думаю, я буду играть, если не самого принца, то хоть Розенкранца или первого могильщика?

величество за шиворот, тряс что есть мочи и, спустив с нар, выгаликивал из избы. Зрители, собравшиеся в крестьянской хате на спектакль, с хохотом провожали монарха. Аплодисментов не было: такой вид одобрения крестьянам еще не был знаком.

Каково было содержание пьесы Шахтуринского спектакля братьев Ивана и Дмитрия Кадыковых, который тоже был поставлен в крестьянской избе, не знаю. Надо полагать, оно было не менее «крамольным». Организаторы обоих «чувашских театров» были наказаны полицией: Крылова и Иванова по доносу урядника И. Я. Яковлев был вынужден исключить из школы, Дмитрий Кадыков угодил в Ивильскую тюрьму, а его брата за революционную деятельность сослали в Вологодскую губернию. Так в зародыше задушило царское правительство большое культурное начинание чувашского народа.

Великий Октябрь. Казань стала временной столицей национальностей Поволжья. Сюда устремилась учиться молодежь татар, чуваш, мари, мордвы, удмуртов. Появились службы разных национальностей в советских учреждениях, в казармах начали организовываться национальные части, с трибун митингов «инородцы» заговорили на родных языках.

Чувашская молодежь почти ежедневно собиралась в бывшем особняке богача Ушкова, что напротив университета, слушать лекции профессоров по истории народностей Поволжья, выступления большевистских агитаторов о текущем моменте и первых декретах Советской власти.

В это бурное время, заканчивая художественное училище, я не оставлял мечту стать актером и потому учебу совмещал с работой в театре. Мне, конечно, доставались лишь роли лакеев со словами: «Кухать подано». Только на одном дневном спектакле посчастливилось сыграть вместе с известным трагиком Н. П. Россовым второго могильщика в «Гамлете». А когда, думаю, я буду играть, если не самого принца, то хоть Розенкранца или первого могильщика?

Досадно же! Я набрался храбрости и пожаловался на свою актерскую долю трагику.

— У вас, молодой человек, — сказал он, — со спенической речью неблагополучно, уж очень вы окаете. Да иногда и нерусский акцент слышится.

Он был прав, но мне от этого не стало легче.

— Вы не татарин? — спросил Николай Петрович, хрюкая меня из своей актерской убоной.

Когда я назвал свою национальность, он, как бы между прочим, заметил:

— Почему бы вам не организовать чувашский театр?

Вот это и надо было мне.

О беседе с Н. П. Россовым я рассказал своим друзьям по школе и статистам театра — чувашам Константину Васильеву и Петру Федорову.

— Мы хозяева страны. Пришло время Гамлета, Фердинанда и прочих классических героев с Подлужной перенести на сцену чувашского театра! — торжественно произнес Петя. (Подлужная — это улупа на Казанке, где мы втроем занимали комнату).

На одном из молодежных собраний я объявил о нашем намерении поставить чувашский спектакль и тут же начал «формировать» труппу. Записалось более пятидесяти студентов и солдат. Через несколько дней был готов и перевод драмы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется».

Через месяц — 27 января 1918 года — в бывшем купеческом клубе состоялся первый спектакль. Успех был ошеломляющий. Зрители аплодировали не столько за хорошую игру, сколько за начинание большого культурного дела.

Увлечение спеническим искусством длилось недолго: к весне в коллективе осталось всего семь человек. Нужны были средства на содержание постоянной труппы и постановочные расходы.

Нам предоставили субсидию, и любительский драмкружок в первый же год своего существования стал государственным театром.

Помню, в первые годы работы театра в Чебоксарах любой новый спектакль ставился за сезон только 2—3 раза. Надо учесть то, что в городе не было ни одного кинотеатра и концертного зала. Чувашские и русские спектакли, концерты чувашского хора, киносеансы, всевозможные собрания и конференции проходили в том же помещении театра. И все же аншлаги бывали только на премьерах новой пьесы. В настоящее же время новая пьеса выдерживает 20 и более постановок за сезон, а удачные пьесы чувашских драматургов годами держатся в репертуаре театра.

Чувашский театр стал теперь музыкально-драматическим. В его репертуаре, кроме многих пьес, три национальные оперы, три музыкальные комедии, для него написаны композиторами пишеут два балета и несколько оперетт.

Моя юношеская мечта сбылась: я был актером и режиссером первого чувашского театра и стал одним из его драматургов.

Сбылась мечта и моего друга Ф. П. Павлова. Он стал известным чувашским композитором и одним из основоположников чувашской драматургии. Он не успел написать оперу, но песни его не перестают звучать, их поет народ.

Только наш друг К. В. Иванов не дождал до светлых дней: за два года до Октябрьской революции он скончался. Но дело, которому он отдал свой талант, — чувашская литература — из года в год рабует и крепнет. Произведения наших писателей переводятся на языки братских народов, они проложили путь в страны народной демократии. Бессмертная поэма К. Иванова «Нарспи» почти ежегодно издается в республике. Она выпущена в четырех переводах на русском языке, переведена на татарский, башкирский, марийский, удмуртский языки. Чувашский народ свято чтит память классика своей литературы: его именем названа одна из улиц столицы, на берегу Волги ему воздвигнут памятник, Чувашскому театру присвоено имя Константина Иванова, а на сюжет его поэмы написана чувашская опера «Нарспи».

СОВЕТСКАЯ ЧУВАШИЯ
г. Чебоксары

15 МАЯ 1960